

18+

МУРАТ ТЮЛЕЕВ

КНИГА ПЕСОЧНИЦЫ

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

Мурат Тюлеев

**Книга песочницы.
Рассказы и повести**

«Издательские решения»

Тюлеев М.

Книга песочницы. Рассказы и повести / М. Тюлеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749786-6

В сборник «Книга песочницы» вошли приключенческие повести
«Восьмиклинка» и «Крокута байконурус», а также циклы миниатюр
«Реальная жизнь Федора Пухова», «Таинственные разговоры тех» и «Муха в
профиль».

ISBN 978-5-44-749786-6

© Тюлеев М.
© Издательские решения

Содержание

Реальная жизнь Федора Пухова	6
1. Разница в телосложении	6
2. Очищение	7
3. Федина любовь	8
4. Лысая Янка	9
5. В поисках друга	10
6. Жизнь есть сено	11
7. Кошачье время	12
8. Все летают	13
9. Как Федя стал писателем	14
10. Возгорание в Шилоглазово	15
11. Базин-Мазин	16
12. Последняя новелла	17
13. Личность. Вместо послесловия	18
Таинственные разговоры тех	19
Морковка – не телефон	19
Шагреневый муж	21
Первый и второй	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Книга песочницы Рассказы и повести Мурат Тюлеев

© Мурат Тюлеев, 2016

© Мурат Тюлеев, фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Реальная жизнь Федора Пухова

1. Разница в телосложении

Хорошо быть шкафчиком. Не шатким гардеробом, не сервантом с остекленевшим взором и не тумбочкой для белья, а шкафчиком – эдаким широкоплечим, невысоким, со взглядом исподлобья.

Шкафчика уважают, побаиваются и обходят по запасной лестнице. Он уверенно стоит на своих толстых коротких ножках и даже пьяным не пошатывается. Он угрюм и чересчур серьёзен для своего солидного возраста.

Но Федя Пухов не был шкафчиком. Он только мечтал им стать, с ненавистью пролетария глядя в зеркало на свое отражение. Из зеркала на Федю заискивающе и буржуазно поглядывал интеллигентный мутноглаз с торсом червя, застуканный голышом во время поедания сухофруктов из бабушкиного сундучка. Федя и его гувернанткоподобный двойник ежедневно изучали друг друга и никак не могли полюбить похожее на себя. Неприязнь была налицо и очевидна даже сзади.

Но у Феди был свой идеал мужчины. Сей образец звали Мучачо и жил он невесть где и постоянно, пропиской не жалуя паспорт. К Мучачо ходили две-три мучо, зачастую в обнаженном виде. Чем они занимались в наглухо закрытом помещении без окон и дверей, было непонятно, загадочно и нескоропостижно.

Федю одолевали завидки к Мучачо. Завидки были круглые как завитки шерсти на загривке Чичковой и белые как плавки Сталлоне. Добрая их треть была чревата, а всё остальное тенденциозно. А сверху навсегда.

Надо ли говорить... Наверное, не надо... Ладно, не скажу.

Так вот, Федя возненавидел Мучачо не только за то, что последний был первым и вместо первача пил альгедрид. Федя завидовал и разнообразию имен местного короля красоты. Подумать только, по-итальянски тот звался Рагаццо, по-болгарски Момче, а на суахили Одлопез. Федю же даже залетные бушмены-бизнесмены звали Федей.

И Федя восхотел ликвидировать Рагаццо из жизни. Он получил разрешение на вдыхание пропана и приобрел по дешёвке вертикалку фирмы «Панасоник». Вертикалку заряжали упаковкой «Чаппи» и вставляли в ствол медвежий жакан. Стреляли таким орудием из театральной ложи в конце второго акта, и смертоубийство, совершенное посредством такой пакости, всегда бисировалось, согласно Немировичу в редакции Войновича.

Дождаться удобного случая для расправы не было времени. Поэтому Федя подкараулил Мучачо у помойки, где тот ожидал очередного randevu с одной там, имени и каких-либо фамилий не помню. И когда Мучачо дождался и воспылал страстью, а предмет его страсти воспылал в ответ, Федя загасил обоих из вертикалки, подобрал гильзу и отправился на рынок, отмечать победу.

Вымокшие до нитки Мучачо и девушка дождались темноты и сообща совокупились. Им было стыдно делать это, исторгая вонь влажного «Чаппи», но поправить ситуацию мог только Хоттабыч, которого в реальной жизни никто не наблюдал.

И этот день, и следующий прошли как уик-энд, хотя неделя еще не закончилась. Феде было стыдно за свою мальчишескую выходку, а влюбленные после случившегося эмигрировали в Денисовку, где проживают до сих пор по адресу Ворошилова, 117.

2. Очищение

Ко дню рожденья отроковицы Аркадьевой отец Федор решил приготовить чудное блюдо: ежика, тушёного в огне адовом. Для осуществления гениальной задумки нужны были три вещи: ёжик, рецепт и адов огонь. С ёжиками было более-менее ясно, рецепт можно высосать из пальца, а вот что делать с адовым огнём? Здесь все пасмурно и мутно.

Обойдя весь монастырь и не наткнувшись ни на одного монаха, отец Фёдор загрузил и присел на нашатырный камень. Скукожившись в думках, он незаметно обратился в мирянина Пухова, достал канифоли и забил в косяк. Дверь обкурилась и вывалилась из стены. Стало жарко и захотелось блуда. Видимо, диавол заигрывал с Фёдором: из провала в стене шагнула отроковица Аркадьева в кожаной мини-юбке и не своим голосом прошептала: «Возобладай мною, старец извекавечный, воздержник невиданный...» Воспылал полумирянин-полупоп, забыл обет и, помня лишь о завтраке грешной плоти своей, возобладал отроковицей. По всем правилам Камасутры.

Здесь Ангел тут как тут. «Стоп, маховик! – крикнул, – ферштей меня, гад долгорясый! Не видать тебе ни рецептуры, ни дикобраза короткостриженного, а лишь адова огня не избегать, коли шас же не дашь полный назад!»

Отпрянул Фёдор от греха поближе, покался не тут же, а чуть погодя, предал костру «Декамерон» Бокаччо, «Гептамерон» Наваррской и всю антисанитарную ересь в совокупности и топнул адидасом на себя самоё: «Ах, ты, ангидрид твою женскую линию по матери!» Блудить тутюжа оставил, а диавол остремался.

И чрезмерно подробный рецепт с неба упал и адов огонь восплаши на всю духовку. Маргарину хоть подмышкой ешь, да сковороды тефлоновые из фторопласта номер четыре, на коих грешники не подгорают! «Пеки, – глас из заоблачной тьмутаракани, – пеки, неофит офигевший! Пекин подивится твоему кулинарному искусству, и Вавилон общий язык вспять изрыгнёт!»

И отправился Фёдор в лесопосадку за ёжиком. Видит чудо: куст измороси, а под ним унитаз мраморный, а на унитазах том ёжик девоглазый. Женщинским взором смотрит, словно вещает следующее: «Не ешь, не ешь меня, обращаюсь в красотку из какого хошь порножурнала, ночью проведём дружно и оргазмизованно».

Фёдор аж всплакнул от досады. Чёртово воздержание, каких токмо видений не нашлёт на тебя нечистый в выдумке своей! «Ты ёжик, – сказал только строго и убедительно. – Ёжик ты, и отец твой был ёжик и мать ежиха, и вообще ты мужеского полу, не срамись».

Тут рухнул животный к ногам его: «Прости, батюшка, грешен! Бес попутал, коих тираж высок при нынешнем уровне техники!» Не стал Фёдор поднимать его, по вкусу пришлось ему иглоукалывание медицинское у стоп натруженных, и мазохизм ёжиков – явление необычное для нашей скудной фауны.

– Отпускаю не только грехи, но и тебя целиком, – улыбнулся. Ёжик возрадовался и вдруг о подарке для Аркадьевой заговорил:

– Есть тут семейка барсучья. Чуждой идеологией живут. Ты их стуши.

– Неможно, – простёр ладошки отец Фёдор, – неможно животинку божью варить. Я это токмо понял. Пусть живут, пусть молятся. Бог у нас один. А отроковицу Аркадьеву за соблазн прикажу сечь шомполами до совершеннолетия.

3. Фебина любовь

Федя Пухов любил писать рассказы Чехова. Особенно «Каштанку». Горько смеясь над тем, что Каштанка адресовала письмо «на деревню живодёру», он с гордостью осознавал, что никогда не сделал бы подобной глупости. Федя гордился тем, что выше Каштанки по уровню интеллекта и по нахождению на эволюционной лестнице, несмотря на практически идентичный ДНК.

Федя частенько надевал пенсне и подписывал свежий рассказ гордой фамилией Чехов. Вспоминая о том, сколько труда он вложил в тома своих сочинений, юный гений вздрагивал, пугался и лез под стол. Оттуда доносились его истерические вопли:

– Неужели это я? Мамочка! Прости, боже, я больше не буду!

Слегка успокоившись, писатель, стараясь не царапать линолеум нестриженными коготками, семенил к своей миске, что росла возле печи. Корни миски, пробив фундамент, устремляли свои необузданные хитросплетения прямо к ядру земли, презрительно минуя магму. В центре миски рос баобаб. С него свисали перезревшие негры.

Так же у Феби в комнате находился, а порой терялся восхитительный дендрарий, в куцах коего сиживал в позе орла настороженно вскряхтывающий дровосек унылого вида и неопределенной партийности. Федя очень дружил с этим вырождением и посвящал его в свои творческие планы, Понимая, что масса во всем своем великолепии нетто и брутто, он жалел всех так называемых «паблик экскрементейшн».

Выжимая из себя Чехова по капле в день, Федя очень нуждался в сантехпочинке. Он тратил себя на карманные расходы и в театре пользовался чужими салфетками. Так он сторонился обывательского вкуса.

Родом Федя бывал из распространенной породы нимф, и в его горгониевых кудрях блистал дюралюминиевый нимб. Свои ногти он хранил в плоской коробочке из-под акварельных красок и на вопрос, как проехать до Актюбинска, отвечал коротко и ясно: «На хрен».

Изо всей окружающей среды Федя как-то так любил продавщицу Агафью из кафетерия «Таёжный тупик». Он частенько посапывал возле сферы её слуха, дабы она от злости топала ногой в его любимое пирожное. Агафья была та самая вылитая Чичолина, с которой срисовал свой ящик для пустой стеклотары местный Микеланджело. Во всей этой фигне явно присутствовала любовь человечья, и босые пятки ее вполне могли бы достойно украсить герб любого молодого государства, не взирая на то, какого цвета его истощенный катаклизмом организм.

Но Каштанка не переставала сниться Феде даже по ночам. Являясь к нему в образе темного луча в рентгеновом царстве, она демонстрировала ошелупленному стратегу свои мудрые от розовости фляжки и, тихо покачивая ведрами с самогонкой, призывала приятно к ней прикоснуться.

– Ради какой такой выгоды? – вопрошал её сонный Федя.

– Грибочков ради, – ласково отвечала Каштанэда. – А ещё, потому что ты голубчик.

И по степному раздолью Притоболья неслись их чмонкие офигительные поцелуи, звуком подобные ухлопыванию одной кастрюльки с пшенкой о дополнительную, с рисом.

«Пора распрощиваться», – поникала головой милая собачка в конце увлекательного флирта. «Пора бы», – уверенно отвечал Федя.

И они расходились в радикально противостатные стороны.

4. Лысая Янка

В то утро, когда день ещё начинался с утра, а заканчивался мордобоем в парадном, Федя, который всем уже порядком надоел своей ненормальностью, встал с любой ноги и раздавил пластилиновый будильник. Последний издал прощальную вонючую трель и прилип к оранжевой Фединой пятке.

Из скворешни, разросшейся во всё окно, торчал незнакомый фламинго и давил прыщ. Прыщ, собственно говоря, был нарисован от руки фломастером, но, несмотря на это, всё ж болел и был визуально невыносим. В общем, сволочь.

В то утро Федя встал не один, так как спал не один, но с кем, на работе обсуждать не любил. Когда товарищи по крематорию заподозрили Пухова в подмене сексуальной ориентации, подозреваемый раскололся на две части: левую и правую. Левая созналась во всем, правая всё отрицала. По-научному вообще-то это зовётся раздвоением личности, но хорошо, что было ещё не поздно. Что-то около семи дня. То есть, ежели по-хорошему, то девятнадцать ноль-два утра. Короче, полночь.

Федя спал не один, так как всю ночь рядом с ним кто-то лежал. Этот кто-то, честное слово, был женщиной и имел всё, что нужно иметь женщине в её возрасте. То есть под подбородком у неё торчало так же, как гораздо ниже затылка. Так, по нашим представлениям, примерно и выглядит нормальная, крепкая, целесообразная и жгучая блондинка. Очков у неё не росло, так как она надеялась присесть Феде на хвост и за счёт этого обогащаться и жить припеваючи. До этого она жила, присвистывая. И прихрамывая. Я забыл напомнить, что фебина сокроватница по партии была хроменькая, к тому же глуховата (в ушах давным-давно торчала вата) и имела от рождения один как бы глаз, и тот у сестры.

Федя глядел на спящую соседку по полатам и плакал. Она ему нравилась. Ему по нраву был её нрав и по вкусу её вкус. Ибо в её вкусе был он, а в её нраве вся она без преувеличений. Это и была любовь земная и яровая. Разочарование небесное и озимое было впереди. Слева были упрёки в верности, а справа экстаз родни.

Он знал, что Янка (так звали Федину партнёршу по обмену любезным храпом) спит обычно всегда, а просыпается иногда, в случае если обед или другое стихийное счастье, но изменяла ли она ему до нынешней ночи, он не знал. Видите ли, дело в том, что Федя подобрал Янку вчера вечером, когда выносил мусор, и той же ночью отдал ей сердце и ужин. Она отдала ему совесть и ум. Чести у неё было так мало, что она решила оставить её на развод. Ибо она знала, что они разведутся и вывести их будет нечем, а имущество придётся поделить.

Федя не стал дожидаться, пока Яночка проснётся, взял ножницы и остриг девушку наголо. На бритом затылке обнаружился застарелый педикулёз, а из волос получился шиньон XIX века для продажи в Сотби.

Зря говорят, что женщине быть лысой нехорошо и некрасиво. Во-первых, хорошо, потому что не надо причёсываться, а во-вторых, красиво, потому что женская головка так замечательно мала, что на ней не заметна грязь. Но важнее всё-таки было то, что не нужно причёсываться. А Янка, ни к чему не будет сказано, чесалась постоянно и при этом не только в области головы, но и в районе лопаток. А так же в труднодоступном для мочалки регионе. А ещё в горячей точке.

Янка была красивая, лысая и спящая. Но Федя не знал, что она к тому же ещё и развязно верная. Но он надеялся, что она будет верна ему под завязку. Теперь особенно, когда нечего расчесывать и нечем привлекать к себе кобелей.

5. В поисках друга

Любого хоть раз в жизни одолевает страсть заиметь собаку. Желательно породистую, но, за неимением суммы на таковую, можно довольствоваться и дворнягой. У Федя Пухова не было суммы даже на дворнягу. Поэтому он решил похитить щеночка из свежего сучьего помёта.

Когда наконец отгремела пора собачьих свадеб и у многих собачек благополучно прошли схватки, забастовки и голодовки, Федя Пухов навёл справки о местонахождении ближайшего помёта и отправился похищать свежий трофей.

Ближайший помёт находился в трёх милях от старого моста по левую сторону реки, если смотреть не отсюда, и долгий путь посредством пешести так уломил Федю, что он несколько зайцебался и по обнаружении гнезда в нетерпении сунул обе кисти в самое собачье пекло.

Оттуда его беспощадно укусили, потом схватили за шиворот и долго били головой о придорожный указатель ограничения яйценоскости. Когда у Федя вылетели все знания, полученные некогда в Тупорыльской неполной средней школе, его оставили в запое, но напоследок прорычали нечто маловразумительное.

Тогда Федя сделал вид, что забыл о цели визита и рванул обратно. Всю дорогу ему казалось, что за ним гонятся и только возле родного подъезда он успокоился и прилег головой на калошу проходящей мимо бабули. Кособуля сказала: «Ишь», и оставив калошу, пошлепала дальше в чем мать по раскалённому асфальту, вследствие чего у неё на лопатке расцвел куст маразмозы.

Мысль о приобретении собаки или родственного ей существа не покидала Федю, а из калоши несло подземельем и хроническими невыплатами. Отбросив старческую обувь, соискатель четвероногого друга воспрял поносом и отправился за советом к продавальщице Чичковой.

У Чичковой, кстати говоря, жила огромная беззубая псина, которая не плодилась и не размножалась в виду своей несколько человеческой внешности.

Чичкова выслушала Федю, предупредительным жестом загнала псину под диван и посоветовала Пухову встать на очередь в морг, где будущую ноябрьскую пенсию, по слухам, будут выдавать то ли овчарками, то ли овцами.

Радуюсь, что ему так крупно повезло, Федя достал пенсионное удовлетворение и отправился в рай собесный.

Там стояла большая очередь, а маленькая уже лежала. Мартовскую пенсию выдавалидохлыми цыплятами и кроликами, но ещё живыми. И тут же Федя решил завести себе кролика. Чем кролик хуже собаки. Вот именно, ничем не лучше.

Из собеса Федя вышел не один. Рядом с ним шагала налысо остриженный кролик в стёбанной телогрейке и, растопырив синие от наколок лапы, рассказывал новому хозяину, как его чуть было не отправили на мясо. Федя счастливо смеялся.

6. Жизнь есть сено

Ветер дальних странствий рвал майки и тревожил пупки. Он зализывал романтические раны и брызгал соком соблазна. Акиян дышал боцманским перегаром и миражировал штурвалы и брамсея. Над пучиной реял бетховенский блюз, а на берегу стояла черкешенка Ассоль и подпевала: «Пойзон ми, Антоньо». Время от времени она нанизывала на себя золотистый крепдешиновый корсет, туго затягивалась и ругала последними словами Гидрометцентр, виски и неизвестную ей мать. Где-то в гроте подводной царевны-лягушки валялся бухой Грей, и его кирзовые сапоги скипидарила лось-рыба, порой кажущая из пучины свой черный от мазута позвоночник.

Ф.П., уже четырнадцать месяцев служивший в команде пиратского дредноута с гордым именем «Гавриил Севрюгин-сын», стоял на ватерлинии и чистил якорную цепь. В составе весёлой бандитской компашки Федя чувствовал себя своей в доску девчонкой и дизелил в матроске, примеряя при всех янтаря, подаренные за ночь пьяным боцманом Пальцещуповым.

Но это был сон до шестнадцати. На самом же деле Ф.П. никогда не был ни на море, ни внутри моря. Он даже не знал о существовании водных бассейнов огромнее лужи и верил только в смерть во время бури в стакане самогонки. У Феди были больные ноги и среднее образование.

Но нечто манило его изо дня в день, из ночи в ночь и от забегаловки к забегаловке. Его будоражило внутри и кукарачило в мозгу. Его кочевряжило в изгибах и барагозило в позвонках. Сие нечто было гораздо и могуче требовало определения собственной значимости.

Поэтому Федя стал строить нечтоподобный морской флот. Создание флота он начал со строительства плота.

Плот, как известно, это брёвна. А брёвна, как известно, это деревья. А деревья это лес. А лес это экология. А экология это движение зелёных. И после двух-трех попыток построить плот Федя устал от постоянных зуботычин, высморкался в сторону лесничества и уехал к себе в пустыню.

В пустыне он занялся изгнанием мракобесия из тушканчиков. Он приседал возле каждой норы и долго выяснял, какого вероисповедания придерживается жилец подземного жилища, как его зовут и сколько классов начальной школы он осилил, прежде чем уйти в сельское хозяйство.

Тушканчики сначала обижались, а потом объединились и отпинали непрошенного миссионера. Вдогонку Феде полетело ведро с удостоверениями юных друзей маразма, и дорога в пустыню оказалась для Пухова навеки закрытой.

После таких неудачных кампаний обычно сводят счёты с жизнью. Но Федя решил свести счёты со смертью. И долго искал её и алкал её медовых уст. Почему-то особенно сильно алкал он у пивнушек и станционных буфетов.

И однажды он нашёл то, что искал. Смерть оказалась вполне осязаема и снаружи похожа на человека. Некоторым вечером это бедовое явление попалося Феде на пути лежащим в луже вниз физиономией.

Это и была смерть. И Федя проникся к смерти жалостью и участием. Он лег рядом с ней и тоже лицом в жидкость. Но смерти это соседство не понравилось, и она ушла косить человеческие жизни как некую траву. Ибо жизнь человеческая есть сено.

7. Кошачье время

Весна будет изнурительно счастливой. Во всяком случае, так полагал вечный студент Федя Пухов. Вчера ему позвонила знакомая кошка, и неизбалованный вниманием отрок решил, что теперь перед ним раскинутся утомительные в своей прелести перспективы. Посему он оставил ночные заработки, имевшие его на кабальных условиях, и решил посвятить жизнь сессии. Подумать только, учиться с утра до трёх часов пополудни, а после мести задворки детского сада. Да ещё чистить картошку для безнадежных вундеркиндов. Да приводить в порядок обезображенную интеллектом внешность, дабы в роли сторожа соответствовать в бездонных глазах заведующей. Лучше посетить три семинара подряд, чем терпеть всю эту ночную каторгу. Мало того, что Федю за безналичную внешность возненавидела вся слабая половина человечества, мало того, что ему приходилось спать на любимом предмете (технология изготовления бумажных фонариков) – вечного студента ещё и однокурсники терпеть не могли. Во-первых, они никогда не видели его в лицо (спал он, уткнувшись лицом в чистую тетрадь). Во-вторых, они ни разу не слышали его голоса (он стеснялся отвечать в присутствии незнакомых ему людей), в-третьих, у Феди было несовременное имя. Кабы его звали Сигизмунд, ему не надо было бы даже поступать в этот вуз. Диплом принесли бы ему на тарелочке с голубой бахромой прошлогодней лапши.

Но вчера позвонила знакомая кошка и позвала на тусовку в театр юного фелинолога. «Обретай вспать кошачье лицо, – сказала она и добавила в качестве последнего аргумента: – быть человеком уже не модно».

Федя полез в шкаф, побрился на его верхней полке, плюнул на своё ненастоящее изображение и издал пробное «мяу». Получилось воистину по-весеннему. Аж почки за окном лопнули и распустились, выронив почечный камень. Через мгновение шикарный чёрный кот Федя выскользнул из арендованной малосемейки и пересёк дорогу и без того невезучему новому русскому из квартиры 13. Тот чертыхнулся, помянул по матери близнецов-братьев, подразумевая, что имел их обоих и вернулся обратно, дабы расписаться в собственном бессилии на фотобоях.

Чёрный кот Федя, вспать обретший то, что нужно, иноходью проковылял проезжую часть на красный, сбил три мерседеса и, не обращая внимания на кургузый пиджачок дореволюционного городского, сунул его свист себе под хвост. «Позже разгляжу», – решил он и взвизгнул «молнией».

А вокруг явно наступало кошачье время. Кошачье бремя было сброшено, и кругом на перекрёстках тусовалось кошачье племя, теперь с гордостью мурлыкавшее свое кошачье имя. Кошачье пламя в его раскосых очах побуждало эпоху вдеть одну бархатную лапку в кошачье стремя и скакать, сжимая в другой кошачье знамя. Я хотел ещё сказать, что кошачье вымя роняло кошачье семя на кошачье темя, но это неприлично.

Так ли, коротко ли, но все происходило, как прозорливо предвещала Муся. Так звали Федину подружку. А она никогда не ошибалась, ибо нюх у неё был поистину кошачий. А фамилия аристократическая – Курцхаар.

Рассказывать о кошачьем времени можно без конца. А слушать о нём можно без начала. Поэтому я предлагаю вам обрести вспать свое «я» и выйти на улицу.

Ваше время пришло.

8. Все летают

Федя Пухов, бывший гениальный актёр, всю жизнь игравший в театре подмостки и рампу, вышел рано утром на свою дворничью территорию, не желая устраиваться по профессии в местный драмтеатр, ибо над ним довлело ещё старое амплуа. Вчера вечером он договорился мести соседний участок, который обычно скоблила Нюра Чаплыгина, мать-героиня и секс-звезда в совокупности, но предупредил её мило и весело, «что копать не будет особенно». Нюра кивнула, Федя понял, что коллега не расслышала его слов, и в сердцах махнул рукой, топнул ногой, брякнул глупость и... чуть было не сказал: проклял собственную тупость, но нет, как раз таки нет! Свою сговорчивость, вот что я хотел сказать.

Вытащив невесть откуда старую обносившуюся метлу, он понял, что она донельзя, но решил мести ею по-новому, так как помнил старую народную мудрость, которая и теперь ещё на ходу. «А начну-ка я», – вдруг пришло ему на ум, и талантливый дворник ступил на Нюрину территорию, которая показалась ему подозрительно необжитой, но полной далеко не вчерашних окурков и кое-где неудобно сказать чего, ну и не говори.

Старая метла принялась за работу и запела, как дура. Она любила двор мести, в руке букетиком цвести и все ей было безразлично на этой грешной земле, кроме совка. Совок мерещился ей красивой, полной грязного смысла совковой лопатой, но, вгоняя в него мусор, метла судьбу свою кляла, в чем мать родная родила и ненавидела всех просто так, ни за что, хотя было за что, и так постоянно.

После того, как Федя, приговаривая «раз-два», «три-пять», «твою-мать», и при этом виляя воображаемым хвостиком (прохожие особенно заглядывались на мнимый бантик на конце этого хвоста), после того, повторяю, как Федя вымел всю-у-у территорию Нюры, а после свою, он тряхнул стариной и упал в лужу. Но лужа не брызнула из-под него во все четыре стороны света, а так и осталась лежать, и тут Федя врубился, что к чёртовой матери давно уже зима нафиг, а он, как дурак, без телогрейки и даже не ощутил, что отморозил себе всё помимо мозгов.

И вот тут случилось. Мимо Феди пролетел участковый Базин. Абсолютно ничем не отталкиваясь от плотных слоев атмосферы и даже не паря, участковый как бы брил воображаемый газон и отбрыкивался ногой от безвоздушного пространства, дабы продолжать свой удивительный беспрецедентный полёт.

Федя, вмёрзший в лужу всем своим существом, определил, что Базин ведёт за собой целый косяк перелётных милиционеров, одетых в парадную форму с целью не застудить повседневную. Исходя из случившегося, за стойкой милиционеров, порхая по-над тем, что чуть ниже той плоскости, по которой порхает, летела пострадавшая продавщица Чичкова, используя свою массу, дабы лететь плавно и величественно. С содержанием протокола ознакомлен и возражений не имеющий, нижеподписавшийся Федя оглянулся вокруг своей оси и запечатлел картину мирного летания всех двуногих, четвероногих и нескольких трёхколёсных созданий. Ему стало очевидно не по себе и горько, что теперь его работа не имеет даже практического смысла и ему не оставалось более ничего, как тут же взвиться пробкою в чудесный штопор, отыскав для слияния с крылатым народом именно ту орбиту, по которой вращались представители его социальной прослойки населения. Войдя в контакт с пернатыми собратьями, Федя осознал себя полноценным гражданином и решил никогда не спускаться вниз на землю даже для того, чтобы чего там клюнуть. И это было очень легко сделать, поскольку на земле уже нечего было клевать.

9. Как Федя стал писателем

Огромная рыжая учительница, свисая вниз головой с пыльной люстры, диктовала условия давно решенной задачи. В классе было пусто и темно. Только на задней парте одиноко играл в триньку сам на сам Федя Пухов, прилежный второгодник и псих-одиночка. По коридору бегали антилопы, играя в пионербол. Материалась молоденькая стенгазета, а в учительской три пьяных преподавателя принимали роды у директора гимназии. В углу спортзала одинокая техничка стругала из швабры кораблик, и пахло дохлятиной.

Федя ждал звонка. Ему уже нечего было выигрывать у самого себя, поскольку проигранное самому себе он великодушно выбрасывал в форточку, а каждые десять монет отмечал на стенке, ударяясь в неё полураздробленным черепом. Огромная рыжая учительница, продиктовав весь задачник, уснула, и её фиолетовые от грязи носки мерно стучали в чугунную доску, на которой красовалась загадочная надпись «Мама рыла папе...»

Федя приподнялся и на цыпочках вышел прочь из класса. Возле самого порога он заметил труп первоклассника, полуобъеденный тетрадной молью, и, стараясь не спотыкаться, ступил в пространство коридора.

Из учительской доносились страшные крики, а из спортзала – заунывная песня и чиканье перочинного ножа. Возле стенда «Отличники учёбы» дрались два серых хищника, причем один бил другого подлокотником из конференцзала и походя отгрызал кутикулы с большого пальца левой задней ноги. Тот зверь, которого били, мерно раскачивался из стороны в сторону, жмурился от ударов и по слогам читал фамилии передовиков шпаргального производства.

На лестнице лежал издыхающий звероящик из-под пустых бутылок пива, а из ощерившегося окна, куда очевидно только что влетел реликт, дул северный ветер, хотя сторона была северная. В пробойну врывались хлопья обгоревших воробьёв, их металлические перья с засохшей тушью и буквы типографского набора.

Федя поймал несколько букв, оторвал им крылышки и сложил неприличное слово. Вдруг за спиной кто-то расхохотался. Федя обернулся и увидел рыжую учительницу. Она уже проснулась и теперь читала сочинения позапрошлогодних выпускников гимназии, написанные ими после выпускного бала.

– Ты только послушай! – хохотала она, зажав левой ногой прорывающийся от смеха аппендикс, – что писали, сорванцы! Цитирую: «Я никогда не убивал своих учителей». Ха-ха-ха!

– Я мог бы и получше написать, – скромно заявил Федя.

– Ты? – подняла на него глаза рыжая училка. Взгляд её выражал отвращение и похоть одновременно.

Вместо ответа Федя встал в позу и стал декларировать:

– Тыквенный лес на старом берегу Непрядвы словесно хорош. Он лопнул загадок, словно растопырая бабушкина любка...

– Ха-ха! – взорвался аппендикс рыжей училки, а её остатки с разбегу бросились в стенд «Наш задневики». Гордости школы высыпали ей навстречу с радостными воплями и вцепились в шею, как старые коралловые бусы-душегубки.

За окном расцветал полный анахронизмов и прочих пережитков прошлого день.

10. Возгорание в Шилоглазово

Такие люди, как Ф.П., при пожаре никогда не тусуются. Они, будто так и надо, бросают в форточку тяжёлые гардеробы и смеются несчастью в лицо. Они презируют пылающие брёвна и толкают пожарных. Они делают только невозможное и уверенно тянут на медаль. Иногда они воруют в горящих домах еду, потому что погорельцам ещё неделю-другую будет не до пельменей.

Так случилось на очередном пожаре в Шилоглазово. Возгоранию причиной мальчик несмышлёный был. По всей видимости, этот недоносок шалил, но проверить, чем – уже невозможно. Мёртвые не разговаривают. Некая догорающая мышь успела только сказать в своём интервью что-то о пропитанной бензолом пакле, но это не было опубликовано. Но если бы Федя встрелся с пакостником во мраке неизвестности, он бы непременно дыщ ему под дыхалку – и копец. Но пожар неминуемо имел место, и тут уж ничего, как говорят рыбы, не скажешь.

Пописать было некого. Дом горел и трещал, хотя кирпичи обычно при горении свистят или шипят. Но это был не кирпичный дом, а саманно-камышитовый сарай, поэтому из жильцов спасся только телёнок. Мальчик сообразил, что золотые вещи под диваном не растут и сиганул в оранжевое пространство. В полёте сей теленок закоротил все провода, которые были и с тех пор говорящий. А взгляд животного якобы умный и злой.

Федя на очередном ЧП в родной деревне проявил себя героическим мародёром. Он как всегда отличился в швырянии мебели и разбрасывании сырого бабьего белья. Не обращая внимания на ценность истинных шлоглазовских кружев, он искал сундучок с баксами.

Но у сундучка с баксами выросли ножки. Это первая версия. Согласно второй, у сундучка ещё прежде были крылья, но он утаивал последние под жестяной обивкой, как саранча прячет свои пёрышки под надкрыльями, и оттого похожа в состоянии покоя на кучу пьяного агронома.

В огне пожарища Федя стыканулся с участковым Базиным и сделал вид, что не испугался. Очи Базина были зловеще белого цвета, а рот изрыгал пурпурное зарево. Зубов во рту участкового Федя не заметил, но о наличии таковых говорят укусы и множественные раны на единственной холке базинского коня.

Базин тоже сделал вид, что Федя это догорающий в печурке обломок несгораемого шкафа и прошел мимо. Федя сделал ещё один вид, что Базин это зомби в униформе и канул в подполье. Под полом было сыро и душно, но ничего, кроме картошки, не говорило о том, что где-то в мире бушует стихия. И Федя, несколько сосредоточившись на кончике своего носа, уснул сном праведника, только что совершившего ритуальное убийство.

А сверху так и горело! Дымилось, плавилось. Летали обгорелые базины, валялись трупы пожарных, а в углу доедал яичницу начальник железнодорожного узла товарищ Пасечник. Сведя шары в поясницу, сей голодранец вспоминал, что есть неисчерпаемый продукт вдохновения, но не успел вспомнить. Крыша дворца соединилась с полом.

Часа так через четыре обломки, все ещё пахнувшие потом пожарных и кровью трёх воров-домушников, по вине которых и произошло чепе, итак, часа так через два-три, то есть довольно скоро, обломки раздвинулись и на свет божий вылез Федя Пухов, одетый с иголочки, но при этом растрепанный как дунькин лиф.

И вылез он, дабы поприветствовать жизнь. Ведь несмотря на то, что деревня Шилоглазово выгорела до единого пенька, жизнь продолжала бить ключом чистойшей солярки.

11. Базин-Мазин

Нет, с Базиным следовало бы давно разобраться. Он страшно надоел Феде. Размах его погон достигал любых ушей, и все бабы были его, даже самые старые и ни на что не годные. Участкового Базина любила продавщица Чичкова, на его крылышки заглядывалась Муся Курцхаар, а на его мерзкие жирные пакли – родная Федина вошь Аня.

«Да я ваше не буду мыть голову! – кричал ревнивец Федя, – только не уноси свои сороконожки, люби меня!» Но Аня презрительно молчала и грызла ногти, задумчиво глядя в окно. Её потомство резвилось в свете стоваттной матки, а потомство её потомства, имевшее достаточно разных отцов, тихо лежало в виде белых продолговатых подмышек-мормышек и важно сопело. Некоторые из них имели брюшную полость, иные возлежали, долгий волос сося.

За окном плыл утренний Гоголь.

Участковый Базин не то чтобы не выслуживался перед пузатостью мира сего и не подлизывал сливкам, взошедших на поверхность светского молока, он был невыносим в виду своего постоянного имения в виду всех и т. п. Еще он был и т. д. Легче сказать, что его было трудно услышать и совсем невозможно любить, но как бы с Фединой точки презрения.

Ну, в общем, это, короче... Ненависть и всё тут. Хоть убейся, хоть засмейся, хоть взойди на три буквы и толкни речь о трудовой бездеятельности господина Пасечника. Ничего не поможет. Ты болен ревностью и ты обязан исцелить её в себе самом.

Федя знал, что Базин любит иметь. Базин, действительно любил иметь и имел. Чего, собственно говоря, Федя не умел. Еще Базин часто поддавал, но не надежды, потому что ими поддавать как-то нелегко. Он поддавал тем, что поддавалось и это как-то так сквозило через его жизнь, что ли.

Новый абзац. Здесь ничего не написано.

Чтобы выбить врага из колеи, надо знать его сладости. Федя осознал это и изучил все сладости врага своего. И пришел к выводу и ушёл от этого вывода, потому что вывод был уж очень солоноват.

Главной достоянием вышерасположенного Базина была его страсть к малолетке Аркадьевой. Он лазил к ней на чердак, а она в то же время лезла к нему в кошелек. Он искал её в пыльном сене лабаза, а она грызла его прошлогоднее кирзовые сапоги сорок девяти размера и напевала: «Не было печали – черти закричали». Это был шлягер того сезона, в котором происходило действие настоящего повествования. Это был хит времен и народов Закамазья. Это был мегаселлер, тиражируемый как ничто на этой планете, даже более чем чесотка. Ибо дабы заболеть сим шлягером, не стоило даже жить в одном городе. Достаточно было просто увидеть небо и солнце, а потом умереть. Больше ведь в жизни ничего не нужно.

Я знал одного участкового, который, составляя накладные на отгрузку левонарушителей, стонал: «Хочу увидеть небо, это во-вторых, а во-первых умереть, потому что остальное стоит денег». Хотя его друг, стоявший рядом уже год, заметил: «Базин, ты много пьешь, Базин, ты много куришь. Базин, ты слишком уважаешь баб».

Да, это был тот самый Базин, только его дедушка.

А со внуком того Базина, который увидел небо, вскрикнул и побежал в сортир, Федя так и не расправился. Руки, так сказать, коротки. А если сказать не так, то руки у него были чересчур длинные, ноги косолапые, а зад узок. Чичкова так и говорила: «Уж слишком, Федя, задок у тебя узок. Может, не стоит есть третью котлету?»

Но Федя ел и ел. Поэтому и вырос такой большой и с проблемами. А Базин-Мазин по сю пору жив и коров.

12. Последняя новелла

Каждый интересуется тем, что останется после него, когда он умрёт. После одних долги остаются, после других кучка пепла от носков нестиранных. Третьи оставляют после себя некий след, украшающий некий паркет.

Федя знал, что после него останется кукиш, и тот без масла. А это гораздо лучше, чем ничего. Ещё Федя знал, что его сначала изувечат, а потом увековечат. Но кто, вопрос. Хотя после ста граммов к этому вопросу Федя редко возвращался. Возвращался Федя к этому вопросу после двухсот граммов. После трёхсот он уже коренным образом погрязал в этой извечной проблеме, а выпив до конца свою канистру со спиртом, наш герой прыгал в бензиновую ванну и жаждал зажженной спички.

Склонность к самоистреблению, вот что было для него характерно. К самоистреблению, чуете? А вовсе не к гибели с чужой помощью. После Фединогo самоуничтожения обнаружили три записки. Вот их содержание.

Записка первая. «Базин, когда ты будешь составлять акт, дабы засвидетельствовать мою кончину от удушья, ты сам умрешь от того же самого. Желаю тебе крепкого здоровья, всяческих благ и чтоб ты сдох. С уважением Федя Пухов».

Записка вторая. «Муся, я сторел заживо в огне индустриальной войны. Помни о том, чего не помнишь. Знай, чего я не знал. Но не ищи того, чего я из себя представлял. Прощай, Муся, переспи за меня с Базиным. Твой верный чудик Федя».

Записка третья. «Чичкова, теперь ты можешь всё. Я уже не преграда твоей деградации. Я уже не ограда твоей деформации. Я уже не награда твоей кульминации. У тебя безобразные толстые ноги в пятнах и страшнее тебя только жизнь с тобой. Целую. Федюнчик».

...После того, как Федю похоронили заживо, многие не плакали. Некоторые даже не хотели признавать факт Пуховской кончины без причины. Иные пришли на кладбище только для того, чтобы повеселиться и потанцевать. Кто-то им якобы сказал, что здесь будет весело. Малолетка Аркадьева, кстати, выпила на свою пацанячью персону четырнадцать галлонов чистого гидрата обрыгания и устроила стриптиз на могильной квадратуре, установленной в память о какой-то дуре. Аркадьеву сняли и избili шомполами. Говорят, что она умерла там же, не приходя в сознание, обняв федино надгробие и написав увеличившимся от страданий языком на влажном от испражнений песке: «Родина. Партия. Волейбол».

Газеты, эти рупоры запора общественного сознания, выдали передовицы, посвященные Фединой жизни, и задницы, посвященные его же нежизни. Экземпляры с грустным Фединым прижизненным рентгеновским снимком черепной коробки выдавались по лоскутку всем сидящим в кустах по нужде. Тем, кто сиживал в кустах без особой нужды, ничего не выдавали, но те были довольны, что им не мешают спать.

После Фединогo самоуничтожения наступило изобилие продуктов и сверхобилие промышленных товаров. Этот коммунистический рай длился до весны.

Весной Федя ожил и начал новую биографию. Но это уже нереальная жизнь Федора Пухова. Это уже другая книга.

13. Личность. Вместо послесловия

На одной из ступенек Парфенона сидел некий Клячкин и паял транзистор, ища у того базу. Базы у этого транзистора не было, и Клячкин тоскливо смотрел вниз, где копошились в прошлогодней ботве дед, бабка и кот Афанас. В ботве когда-то кто-то нашел нечто, и все новые поколения лезли в эту ботву, дабы найти в ней что-то чего нет, но, как нам известно, найти то, чего нет, нельзя, и поэтому все новые поколения считали себя потерянными, как будто кто-то когда-то их потерял, а перед этим как бы нашёл.

Мимо всей этой весёлой жизни шёл Федя, размахивая длинными конечностями и едя кукурузный перчаток. За Федей шли три коротеньких лба, якобы его дети, и мадам, якобы его дочь. Замыкал шествие кургузый пиджачок непонятного покроя, якобы его кузен по материнской линии.

Над Парфеноном, кучей ботвы и шествием парила Личность. Она умела пить водку, страшно ругаться и, как мы уже видели, парить. Своим парением эта личность всех запарила, но продолжала.

Когда стрялся вечер, Клячкин собрал струмент, втыкнул паяльник в нёбо неба, и ушёл вочужаши, грызя семки из жмени. Соискатели ботвяного клада подустали и зарюхались носами в гнилозём, Федя сдал своих попутчиков, их посадили и теперь пришёл черёд свести счета с Личностью.

«Покажи мне пятку, и я скажу, кто твой друг».

Личность показала пятку и была профессионально, чисто по-кагэбистски схвачена за лодыжку и стянута вниз на расправу. Те, кто прежде ушёл, вернулись, дабы принять участие в моргии.

Клячкин сделал Личности чудесную татуировку на спине (смотри схему телевизора «Рассвет-304»), ботвокопатели отпихивали друг друга и, визжа, колотили Личность ботинками в харю, вышедшие на свободу лбы и мадам, осужденная за простительную туцию, выдёргивали волосы низверженной парившей гадости.

Федя стоял в стороне и рыдал. Он теперь убедился, что людям нужно для счастья только одного: унижить возвышенную душу.

1997

Таинственные разговоры тех

Морковка – не телефон

Шли, как ни странно, молча. А когда утомились и уселись на лавочку, оно сказало:

– Да, муха это не слон. И даже далеко не слон.

– Почему же, – вяло возразил он, особенно не желая вступать в полемику.

– Ибо ног не топчет, потому и не слон, – агрессивно выпалило оно и от злобы даже закашлялось.

– Вам не топчет, – горько усмехнулся он.

– Это мне—то не топчет? – взвилось оно и приподняло со скамейки подобие зада. – Как раз мне-то и топчет, да еще как!

– Как же? – саркастически скривился он.

– Сильно! – выдохнуло оно, рухнуло обратно на скамью и в бессилии зарыдало. Черепичные уши вздрагивали, поршневой нос заклинивал и хрюкал, пальцы ног нервно вгрызались в грунт.

– Муха – это слон, – злорадствуя, повторил он. Ему не было жаль оппонента. Наоборот, он желал растоптать собеседника, раздавить и размазать по асфальту: вот так, вот так!

– Муха – не слон, – безразлично произнесло оно, обронив на траву скипидарную каплю. Капля повисла в воздухе, а потом вдруг вскрикнула и умерла. Мимо грустно прошагали тараканы.

– Вы продолжаете настаивать на том, что муха это не слон? – наклонил лицо к собеседнику румяный от наслаждения он. – Вы продолжаете утверждать...

– Не-ет! – из последних сил взвизгнуло оно. – Муха это слон! И слон это муха! Всё! Отстаньте от меня!

– Как бы не так, – оскалил зубы он. – Муха не только слон, но и стрекоза.

– Что—что? – округлило глаза оно. – Что вы сказали?

– Я говорю, что муха это не только слон, – свою фразу он произнес нараспев, как бы любуясь собой со стороны, – муха это еще и кенгуру.

– А—а! – страшно закричало оно. – Люди, люди, помогите! Убивают истину!

Но людей вокруг не было. На мгновение к скамейке подбежали два лихуса и, не получив ожидаемого корма, тут же отпрянули и скрылись в зарослях маргарина.

Несколько минут оба спорщика молчали. Затем раздался далекий взрыв селёдки, и первым молчание нарушил он:

– Сепаратор это не чайник, – предложил он новую, как ему казалось, интересную тему.

– Как же это? – весьма усомнившись, устало пролепетало оно. – Как же не чайник, если сепаратор не пригоден для ловли рыбы и производства рисовых котлет?

– А потому, – поднял он кверху перепачканный нос, – потому что индейки, когда несутся, разбивают свои яйца не справа налево, а только после чего-нибудь рядышком.

– Рядышком? – попыталось проанализировать верность свежего тезиса оно. – Почему же рядышком? Неужто чуть дальше стёклышко?

– Ситечко, – победоносно задрал подбородок он.

– Черт те что, – пробормотало оно и упало навзничь. К его недвижному телу подбежал доверчивый лихус и юркнул в ноздрю. По дороге, подозрительно косясь, проскакала бездомная антилопа.

– Ситечко, – еще раз, вкусно чмокая губами, произнес он.

Через полчаса оно очнулось, протерло почку и, спотыкаясь, пошло. Он, усмехаясь и, сверяя часы с настроением, отправился следом и скоро поравнялся со своим спутником, не заглядывая тому в документы.

Шагреновый муж

– Ты слишком доверчив, – это была первая фраза, которой она огорошила его спозаранку. – Ночью ты спал и не следил за моими действиями. А ведь я могла бы уйти черт те знает куда, и делать там всякие разные пакости, а ты спал бы... И откуда в таком щедедушном теле столько силы для сна?

– Я читал где-то, – потягиваясь и отпивая из коленной чашки бром с кремом для ботс, отвечал он, – что чем человек ничтожнее, тем величественнее его сон. И наоборот. Очевидцы утверждали, что Александр спал, скукожившись в букашку и завернувшись в промокашку, и однажды приближенный перепутал его с предметом личной гигиены, и отдал старьевщику в обмен на лапу гиены.

– Значит, ты ничтожество, – заключила она, слишком рано торжествуя, – потому что во сне ты был настолько величественен, что я не решаюсь уйти от тебя к нему и изменить нашей бессмертной любви, ибо кары неизбежной пугаюсь, ибо скоры на расправу фигурирующие в анналах.

– В чем же выражается это мое ночное величие? – он уже встал и хотел было надеть брюки, как тут же выпал из рейтуз и затерялся где-то под каблуком ночной туфли. – Ой, где это я?

– Здесь, – сказала она, и пнула нехитрую обувку, – нашелся? Молодец. Так вот, во сне ты вырастаешь до невиданных размеров и становишься похож на мою резиночку для венепункций, только у тебя есть еще глазки.

– Моя мама так и говорила, – вдруг вспомнил он. – Сынок, ты будешь истинной находкой для своей потерянной жены.

– Что имела в виду старая ведьма?

– Мои колоссальные ночные размеры и мое дневное ничтожество. Ты ведь заметила, что в темноте я как-то шершав на ощупь, а днем гладок, как лебединый клык? Ты заметила? Скажи, что не заметила.

– Я скажу: заметила! И еще раз: заметила!

– Энтузиазм такой откуда?

– От ботокуда! Вставай на табуретку, я защелкну твой шейный позвонок.

– Он болезнен!

– Надо, надо, а то твоя голова напоминает капюшон!

– На улице осадки в виде мокрого с неба и дождя?

– Просто ветер! Опять придется привязать тебя к шнуркам, чтобы ты не уехал на подметках нашей пока просто соседки!

– Как ты думаешь, не сделать ли мне ее не просто соседкой?

– Я тебе дам! Дам, дам, дам!

Они собрались и вышли на улицу. Через пару минут его смел добросовестный дворник, а она пошла к пока просто другу, и стала жаловаться на жизнь и пенять на судьбу.

Вечером его занес знакомый почтальон и отдал вместо вечерней газеты. К счастью, внесенный был в курсе всех последних новостей. Зато у нее было плохое настроение, и она гонялась за ним с мухобойкой, после чего он выплюнул свою печень и упал в наперсток. Она не обнаружила его ни в супнице, ни верхом на мухе, поэтому всплакнула и легла спать одна. Утром у них состоялся неприятный разговор.

– Если ты будешь продолжать уменьшаться, – гремела она, – я поддамся на развод, уяснил? Нет, ты понял меня, микроб? Кстати, где ты, постучи по ближайшей вилке.

– Я отсужу себе половину мебели, – нагло заявил он, выглядывая из-за стакана, – и полный снесди холодильник. Мне на жизнь хватит!

– Ты не приносишь домой ни копейки! – зарыдала она, размешивая в рюмке его выходные ботинки.

– Я же не виноват, что страна выпускает такие тяжелые денежные знаки! – съязвил он, и от злости пнул спичку. – Ой, я, кажется, вывихнул палец!

– погоди! – вскрикнула она испуганно, – я принесу йод!

– Не надо! – взвизгнул он, но она уже умчалась в зеленую даль гостиной. Оттуда донесся ее крик:

– Минуточку!

– Еще минуту поживу, – вздохнул он и запихал в рот крупинку сахара.

Она вбежала в кухню с пипеткой и долго шарил по столу:

– Ты где? Где ты?

– Тут, – буркнул он, не в силах разжевать сладкий кусок.

Она заметила движущуюся точку на узоре клеенки и прыснула из пипетки.

Но поздно: он уже дематериализовался.

Первый и второй

Первый, черноротый крепыш невысокого мнения о себе, медленно и стараясь не поколебать собственной уверенности в совершаемом, лез по кривой, позеленевшей от добросовестной эксплуатации антенне и, уже почти было долез до самого верха, чтобы там свинтить директор согласно инструкции, как вдруг сделал неловкое движение ногой и сорвался вниз.

Второй, помощник первого, юный и кривой от чрезмерного заглядывания вглубь собственной головы, вскрикнул и вытянул вверх обе руки, будто хотел поймать падающего, но первый зацепился штаниной за директор и повис вниз головой.

– Ой! – крикнули оба синхронно.

– Вот тебе и ой, – раздался вдруг таинственный голос.

Второй оглянулся, но никого не увидел. Первый висел высоко и поэтому ничего не слышал, но второй все озирался и напрягал слух, потому что посторонний голос не был слуховой галлюцинацией.

– Чего стоишь, беги за веревкой, – просипел первый и сделал бесполезные движения руками, словно старался ухватиться за воздух.

– А куда бежать? – чуть не плача, крикнул второй и опять оглянулся.

– Да не верти башкой! – закричал первый. – Вот слезу, оторву тебе ее, будешь знать!

– А ведь и вправду оторвет, – вновь раздался тот же таинственный голос, который уже точно не мог быть галлюцинацией. Реальным было даже произношение: московское, акающее и потому «атарвет» прозвучало особенно зловеще.

– Что же делать? – пожал плечами второй и тут же спросил себя: а зачем я плечами пожимаю? Может, у этого голоса и глаз-то нет, чтобы видеть, как я жестикулирую. Хотя нет, он видит. Ушей ведь у него не видно, а слышит.

– Беги за отверткой! – вновь выкрикнул первый, уже побагровевший от висения вниз головой. – У меня голова кровью налилась, ты чувствуешь?

– Он тобой понукает, – хихикнул невидимый очевидец. – Скажи ему что-нибудь, чего молчишь? Он, этот первый, из породы тех, кто вечно сеет зло и вечно пожинает благо. Вот, гляди, у тебя и жены-то еще нет, а он уже ее совратил.

– Почему знаешь? – дрожащим голосом спросил второй и махнул рукой, словно хотел поймать муху.

– Чего ты бормочешь, придурок! – заорал первый, чье лицо приняло уже синюшный цвет. – Я тебе приказываю: бегом за книжками! Ученье – свет, а неученье – сплошное удовольствие! Повиси с моё, я тебе говорю, сосунок!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.